

Когда казна пуста

Сегодня, наблюдая за «путешествием Ельцина по России» и размышляя над дебатами российского парламента, всё отчетливее обнаруживаешь, что провозглашенная «либерализация» цен на деле выливается в их очередное повышение, причем на этот раз более жесткое, чем все предыдущие.

А могло ли быть иначе? Могли ли рассчитывать на успех реформаторы, не имея в руках никаких рычагов для проведения провозглашенной ими реформы?

Аксиоматично, что для проведения реформ в такой стране, как Россия, нужна очень сильная власть. История наша ставит под сомнение вообще возможность мирных реформ в России. Я не могу вспомнить прецедент, когда подобные сверхзадачи удавались вообще, в то время как о неудавшихся реформах написаны тома. Россия славна многими героями, но мирных реформаторов среди них попробуйте отыскать... Сейчас заговорили о необходимости фигуры масштаба Петра Великого, а ведь то был редкостный тиран-император.

Боюсь ошибиться, но, по-моему, никакой реальной властью, если исключить сомнительную власть харизмы, правительство России и её президент не обладают. Настоящая власть с вполне благими намерениями была в свое время делегирована в регионы и области, автономии и округа, сначала под видом «децентрализации», а затем «демократизации», и не без удовлетворения принята местной номенклатурой. Отдавать спущенную «сверху» власть и уходить в отставку, как это делают некоторые столичные политики, эта номенклатура не собирается.

Когда Борис Ельцин говорил, обращаясь к народам: «Возьмите столько власти, сколько сумеете переварить», — то, конечно же, это была политическая риторика, поскольку данное обращение в действительности касалось лишь местной бюрократии, которой позволялось отныне по своему усмотрению распоряжаться и править в своей вотчине. Сегодня эта постимперская номенклатура, подобно диадохам развалин империи Александра Македонского, может на вполне законных основаниях делать что угодно.

Главной же опорой местных властей, тем крючком, на котором вот уже многие годы держит страну за шиворот тоталитарное государство, была и остается самая могущественная и самая уникальная система распределения: монополия торговли, практически нигде не поколебленная. Мириады точек на карте страны — не города и веси, а торги. В обл-, гор-, райпищеторгах и в обл-, гор-, райпромторгах исправно трудятся сотни тысяч легионеров, добросовестно осуществляя старую как мир и святую для данной системы миссию Распределения. О какой «либерализации цен» может идти речь, если все распределители (а в нашей стране магазинов как таковых нет), вся торговля целиком находятся в руках местного чиновничества, над которым к тому же уже нет дамклова меча Центра, но внутри которого был и остается корпоративный дух и единый шкурный интерес?

Это ведь реформаторы должны знать. Равно как и то, с каким монстром затевают борьбу. А ведь даже монополизм пресловутой «Союзпечати», этих маленьких киосков с бабулями, ликвидировать не удастся, скорее наоборот, «Союзпечать» вот-вот ликвидирует прессу. Словом, особых успехов в борьбе с монополизмом пока нет. При этом вице-президент во всех своих выступлениях сетует на засилье в нашей экономике коммерческих структур, бирж, независимых банков. А ведь через биржи проходит не более 3,5 процента от всей реализации товара, и, кажется, по своему удельному весу эта цифра значительно уступает весу генералов и полковников, активно включившихся в большую политику.

Сломать саботаж реформ можно либо с помощью опричьины и нещадного террора со стороны центральной власти, либо, если речь идет о мирных реформах, с помощью альтернативной экономики, главным образом в лице мелкого и среднего предпринимательства. Многомиллионная армия частных хозяйчиков, торговцев, крестьян (а не Научно-промышленный союз товарища Вольского), создав мощные инфраструктуры торгового капитала, могла бы подорвать монополию государственной торговли и, в сочетании с демократическими институтами, со своими представителями в законодательных и исполнительных органах власти, стать прямым проводником политики освобождения цен и фактором стабильности. Они бы выполняли роль терапевта, если речь идет о шоковой терапии.

Но беда состоит в том, что именно малый и средний бизнес испытывает на себе всю тяжесть налогового законодательства, по сути — фискальной программы наполнения бюджета. Признав себя банкротом и обвинив в этом коммунистический режим, «первое посткоммунистическое правительство» унаследовало не только пустую казну, но и драконовские методы ее наполнения. Поистине, этот банкрот не из тех, кто закладывает свое имущество. Он, напротив, спешит стащить к себе все ваше, не брезгуя мелочами. В этом отношении наши реформаторы не продвинулись даже до логики вождя команчей: «Прежде чем снимать скальп, надо дать отрасли волосам».

А ведь бюджет можно строить на продаже земли, собственности, госимущества и т.п. Но, к великому сожалению, новое правительство с ходу поставило себя в оппозицию к предпринимателям и на их поддержку в своих дальнейших шагах теперь рассчитывать не может.

С кем же тогда проводить реформы?

Известно, что шок без терапии — процедура вредная и небезопасная для пациента, который, если не умрет от болевого шока, может очнуться и броситься наутек, попутно круша всё вокруг, в том числе самих врачей, и, окровавленный, с криком:

«Спасите!!!» («Рятуйте!»)... далее на языках всех народов бывшего СССР), — непременно вляпается в какую-нибудь новую, неприятную для себя Историю.

«Московские Новости», N3, 19 января 1992. -С.5